

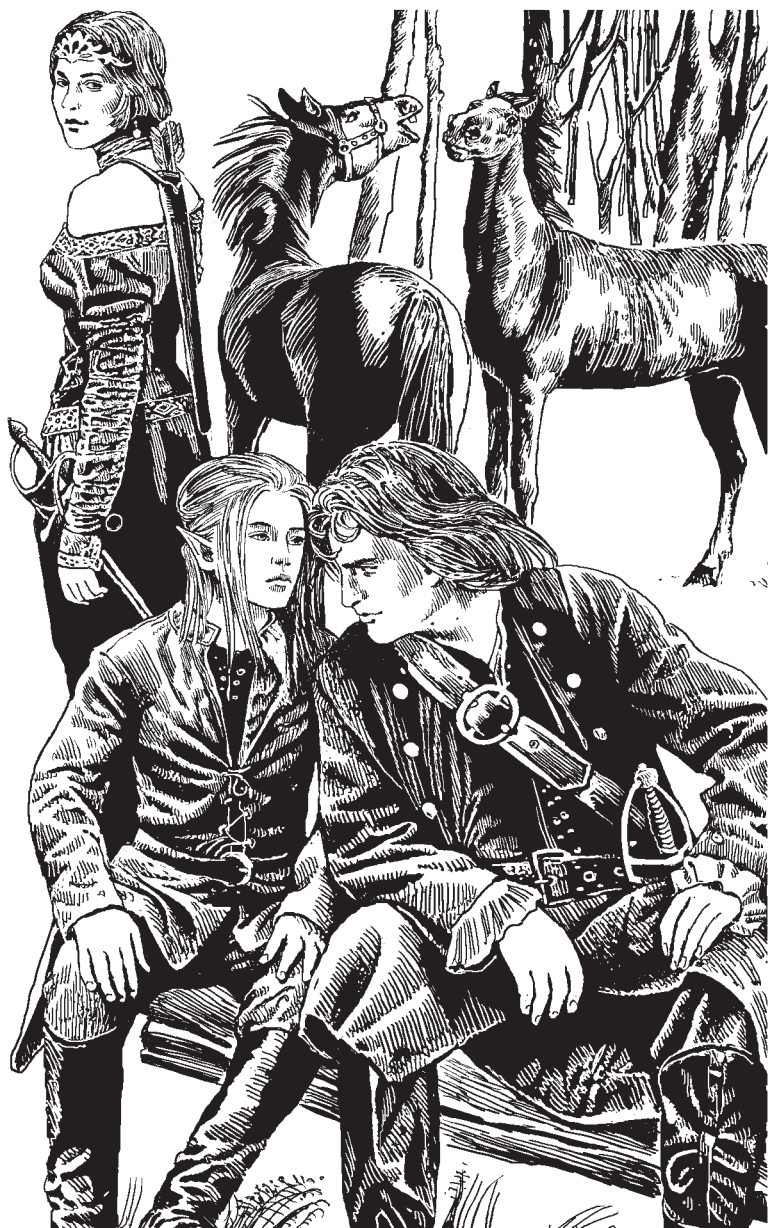
Елена Никитина

**А ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ОТ БАБЫ-ЯГИ
БАБА-ЯГА БЕССМЕРТНАЯ**

**САЛАМАНДРА
ОГНЕННЫЙ ПУТЬ САЛАМАНДРЫ**

Елена Никитина

Огненный путь Саламандры

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н62

Художник
С. А. Григорьев

Никитина Е. В.

Н62 Огненный путь Саламандры: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 409 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1037-8

Сбежать от ненавистного мужа и смертельной опасности, грозящей в этом выгодном всем, кроме меня, браке, — еще полдела. Гораздо сложнее не вляпаться в новые неприятности и побыстрее разобраться с уже имеющимися. То, что муж, гонимый жаждой мщения, по пятам идет, становится привычным и даже перестает пугать. То, что логово мифических либе, или эльфырей, самой кровожадной расы Мира Царств, на горизонте маячит — предсказуемо, сама их малолетнего наследника на свой страх и риск поклялась домой доставить. А вот то, что моя несостоявшаяся убийца, посмертно похитившая у меня, законной владелицы, мощный артефакт, связана с темными эльфами... хуже не бывает. Ведь Верховный Жрец Темных поставил перед собой цель — завоевание Мира, и ему для этого не хватает сущего пустяка — полного подчинения огненной стихии. А истинную саламандру, духа огня, казалась бы, так просто склонить на свою сторону...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1037-8

© Никитина Е. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*Моей любимой сестренке Колтыриной Ане, без
въедливой критики и природной язвительности
которой многого могло бы не быть, посвящается*

Часть первая

СВОБОДА. ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ

Когда мужчине хорошо — он ищет женщину. Когда мужчине плохо — он ищет еще одну. И ведь находит ее на свою голову...

Влад XII сидел в своем кабинете и задумчиво теребил свиток с очередным отчетом одного из своих осведомителей, посланных по пятам Полоза. Сведения были не очень утешительными. Сын направлялся в сторону Царства Леса, эльфийских земель, где в последнее время происходило много непонятного и даже пугающего. Уже почти в открытую говорят о вырвавшихся на свободу лиебе. Чего ждать от этих мифических тварей, в народе называемых эльфырями, и чем может грозить их распространение по Миру Царств — сказать трудно, слишком мало о них имеется информации. До Царства Гор вряд ли докатится волна этих не сулящих ничего хорошего беспорядков — далеко; но одно то, что вредная Саламандра, а следовательно, и Полоз, движется именно в ту сторону, не могло не внушать опасения.

Эльфы вообще странные и замкнутые существа, ни с кем особо дел иметь не хотят, к себе мало кого допускают, только знать, и еще меньше выпускают. Особенно темные. Эти властолюбивые высокомерные красавцы довольно жестоки, их боятся и ненавидят, но никто ничего не может сделать. Эльфийская раса слишком могущественна и наделена способностью к сильной магии, ее нельзя ски-

дывать со счетов. Неужели маленькая паршивка Саламандра сдуру поперлась напрямик туда? Хотелось бы верить, что Полозу удастся перехватить ее раньше, чем она доберется до Царства Леса, земель темных и светлых эльфов. В противном случае, даже предположить страшно, чем все может кончиться. Единственная радость, что пока никто ничего не знает о том, что тут у них произошло. Подданные владыки слишком боятся гнева своего правителя и не сомневаются, что расправа последует незамедлительно, вот и помалкивают. И правильно делают, Влад XII никогда не был жестоким, но в данном случае свою угрозу выполнил бы незамедлительно.

Из раздумий его вывел настойчивый стук в дверь.

— Войдите, — раздраженно отозвался Влад, пряча письмо в ящик стола, предназначенный для секретных документов.

На пороге появился взлохмаченный и запыхавшийся начальник стражи.

— Ваше величество!.. — начал докладывать он срывающимся не то от бега, не то от страха голосом, одновременно поправляя постоянно сползающий шлем. — Там... мы не хотели пускать... но он... сбил наших воинов на грифонах... ворвался в замок... и потом...

— Короче! Кто? — рявкнул владыка и медленно встал. Раздражение горячей волной поднималось в груди.

— Сам Царь Долины...

Этого еще не хватало! Уж кого-кого, а Змея он хотел сейчас видеть меньше всего. Как он прорвался через усиленные кордоны, можно и так догадаться — по воздуху, а что могут сделать воины на нескольких грифонах против пышущего пламенем трехглавого Змея Горыныча? Почти ничего, особенно если учесть, что он теперь близкий родственник и бить на поражение вряд ли кто осмелился; да и война прекратилась, армии давно отозваны. К тому же Змей, скорее всего, один приперся. И что ему так срочно понадобилось?

— Проводите его в тронный зал, я сейчас приду! — на-

пряженно приказал владыка. Ему нужно было немного времени, чтобы собраться с мыслями.

— Зачем же сразу в тронный зал? — раздался громогласный голос Царя Долины, и Змей Горыныч собственной персоной ввалился в кабинет, распахивая на ходу стражников, безуспешно пытающихся его задержать. Он был в человеческом облике, но силы ему хватало с избытком. — Я прекрасно помню, где располагается твой кабинет, Влад, и давай обойдемся без церемоний. Ты и так уже несколько нарушил все правила гостеприимства. Да отцепитесь вы от меня, дивы настырные! — И Змей отшвырнул в коридор сразу двоих наседавших стражей, рьяно выполнявших приказ своего правителя.

— Хорошо, как скажешь, — согласился владыка. — Оставьте нас!

Стражники поспешно ретировались от двух царствующих особ подальше.

— Ты что, решил ввести осадное положение? — отряхивая помятый костюм, поинтересовался Змей Горыныч и, придя к выводу, что это бесполезно, махнул рукой и плюхнулся в кресло. — Или с кем еще войнушку затеял? К тебе прорваться довольно проблематично, как псы цепные на меня накинулись, еле отбился.

— Ты не предупредил о том, что решил заглянуть к нам в гости, — проигнорировал его вопросы владыка, доставая из шкафа бутылку с коньяком и два бокала. — Чем обязан твоему визиту?

— Для начала — здравствуй! — ухмыльнулся Царь Долины, на удивление трезвый как стеклышко. — Я смотрю, ты удивлен? Что ж... это приятно. Я хочу видеть свою дочь! Мы же теперь вроде как породнились, вот я и решил прибыть с неофициальным, так сказать, родственным визитом. Ты что-то имеешь против?

Владыка нарочито медленно разливал коньяк, пытаясь на ходу придумать, что сказать этому нежданному и в данный момент очень нежелательному гостю. Правда могла бы слишком дорого стоить.

— Нет, Змей, я ничего не имею против тебя, — наконец

выдал Влад. — Надеюсь, ты доволен выполнением нашего договора?

Главное — потянуть время, а там, может, что и само придумается.

— Более чем, — кивнул Царь Долины, принимая бокал и разглядывая на свет янтарное содержимое. — А ты себе, вижу, ни в чем не отказываешь, хороший коньяк попиваешь. Дорогое удовольствие.

— Есть такое дело. Что у вас нового в Царстве Долины?

— Да ничего особенного, все по-старому, даже скучно как-то...

«Везет же, — подумал про себя владыка. — Я бы с удовольствием тоже поскучал». А вслух произнес:

— Ничего, у тебя фантазия богатая, найдешь чем себя развлечь.

— Уже нашел: дочку решил повидать, соскучился. — Змей горестно вздохнул. — Привык я, что она всегда у меня на виду, егоза этакая, а тут... тоска такая заела, хоть волком вой. Вот и рванул к вам. Кстати, где моя ненаглядная кровиночка?

Влад залпом осушил свой бокал, поморщился и сунул в рот кусок шоколада.

— Понимаешь, ее сейчас здесь нет, — ответил он, сам замечая, что голос прозвучал несколько неуверенно. Еще не хватало перед этим пьянчугой оправдываться, принесло же его в столь неурочный час.

— Вот как? — удивился Змей Горыныч, откидываясь на спинку кресла и поигрывая коньяком, к которому он так до сих пор еще и не притронулся. — Твоего сына, я так понимаю, тоже нет в замке?

— Нет.

Владыка надеялся, что отсутствие обоих молодоженов удовлетворит его любопытство, и он отстанет. Не тут-то было!

— И ты будешь мне вешать ботву на уши, что они уехали в свадебное путешествие, у них медовый месяц и они наслаждаются обществом друг друга? — неожиданно выдал Змей, со злостью ставя бокал на стол.

— Вроде того.

— Ты меня совсем за идиота держишь?!

— Никто тебя за идиота не держит, — раздраженно ответил Влад и налил себе еще коньяка. — С чего ты взял?

— Потому что ты сам ведешь себя сейчас как идиот! И хватит пить, тебе это не идет!

Вот теперь разговор принял серьезный оборот. Если изначально у владыки была хоть какая-то надежда выкрутиться, напоить гостя, наговорить много всего и ничего конкретно и отправить восвояси, убедив, что все замечательно и лучше быть просто не может, то сейчас она растаяла как утренний туман. Змей что-то подозревает, вот и разыграл тут мелодраму о тоске по дочери. Да и его визит явно не случаен. Что же сподвигло Царя Долины притащиться сюда?

Владыка внимательно посмотрел на своего бывшего друга поверх бокала. Почему-то в кои-то веки возникло жуткое желание выпиться, но сейчас это была непозволительная роскошь.

— Влад, прекрати играть с огнем, как в прямом, так и в переносном смысле, и выкладывай, что у вас тут происходит! Что с моей дочерью? — Змей подался вперед и уставился на владыку немигающим пристальным взглядом. Слишком трезвым и слишком хорошо знакомым, взглядом разъяренного халы, готового к атаке. А правитель Царства Гор и забыл уже, что Змей Горыныч умеет ТАК смотреть. Еще в бытность их бурной юности этот взгляд не предвещал ничего хорошего тому, на кого был устремлен, и Владу неоднократно приходилось сдерживать разошедшегося друга от смертоносного удара. Но никогда еще Змей не смотрел так на него самого. Да, играть с огнем было, действительно, опасно.

— Хорошо, я расскажу тебе, — принял единственно верное решение, с его точки зрения, владыка. Выкручиваться уже было бессмысленно, у этого типа просто потрясающий нюх на вранье, когда он в таком состоянии. — Но ты пообещаешь мне, что отнесешься ко всему спокойно и без меня не будешь предпринимать никаких действий.

— Она жива? — Змей сжал бокал с коньяком так, что он треснул. — Если...

— Она жива, — поспешил заверить его владыка. — За это можешь не волноваться.

— Тогда я принимаю твои условия. — Царь Долины заметно расслабился и недоуменно уставился на свою окровавленную ладонь. — Вот дивы, с тобой так калеккой станешь! Ладно, выкладывай. И не вздумай юлить вокруг да около, я ведь тебя знаю.

Влад осушил еще один бокал коньяка, не закусывая, и с сожалением отметил, что совершенно не пьянеет. Жаль, ему стало бы легче.

Рассказ он начал с самого начала, поведав Змею Горынычу о выходках и откровенных издевательствах его дочери как над Полозом, так и над ним самим, в том числе и о непочтительном отношении к старшим, о ее ужасном и вредном характере. Царь Долины слушал внимательно, изредка кивая, и по его лицу блуждала довольная мечтательная улыбка.

— Молодец, девочка! Не позволяет себя под каблук загнать! — выдал Змей, когда владыка дошел до своего последнего и единственного разговора с Саламандрой с глазу на глаз. — Она никогда не любила, чтобы ей указывали, что делать. Упрямая, как сто хал вместе взятых. Вся в меня.

— Мы заметили, — хмуро отозвался Влад, не разделяя радости Змея Горыныча по поводу вредоносного характера его дочурки. Нашел над чем веселиться, тут плакать надо.

— Значит, Салли вам тут дала жару, — снова довольно хмыкнул Царь Долины. — Ну-ну...

Владыка мрачно кивнул и продолжил рассказ. Саламандра сбежала, Полоз отправился ее искать, но пока не очень преуспел. Поиски осложнялись еще тем, что им так и не удалось узнать, как выглядит вредная девчонка на самом деле, но на след Полоз вроде уже напал. Она ухитрилась перед побегом стащить свое же обручальное кольцо, которое и стало основным опознавательным знаком.

Единственное, что очень тревожит, — она двигается в сторону Царства Леса, где сейчас далеко не все спокойно. Что там происходит, точно неизвестно, но слухи, приходящие из земель эльфов, далеко не утешительные.

По мере дальнейшего повествования лицо Змея Горыныча становилось все более и более жестким. Его дочь в опасности, в серьезной смертельной опасности. Сведения, доставленные ему на днях, вкуче с письмом Фена, подтверждались.

— Влад, ты понимаешь, что я могу убить тебя прямо сейчас? — тихо спросил он, невидящим взглядом уставясь в пламя камина. — Но не буду, мучайся дальше. Ты всегда был чересчур самонадеянным типом, но всему есть предел. Я простил тебе, что ты в свое время увел у меня невесту, ставшую впоследствии матерью ТВОЕГО сына, но гибель МОЕЙ дочери не прощу никогда!

— Ты думаешь, я в восторге от всего происходящего? Думаешь, я получаю от этого море удовольствия? — устало поинтересовался владыка и сделал большой глоток прямо из горлышка бутылки. — Ошибаешься, мне тоже хочется покоя и нормального семейного уюта, а не дергаться из-за того, что мой сын станет последним потомственным владыкой Царства Гор. Уж кому-кому, а тебе прекрасно известны проблемы нашего рода. Триста лет — это предел для рождения наследника. Полозу двести пятьдесят, и время не стоит на месте, только Вершителем знает, сколько проклятием отмерено ему...

Он снова схватился за бутылку.

— Почему ты сразу не обратился ко мне, когда Салли удрала? — Царь Долины медленно перевел глаза на змееглазого правителя и удивленно воскликнул: — Да прекрати ты надираться! Пьянеть особо не пьянеешь, только добро переводишь! Еще сопьешься.

Владыка поперхнулся и закашлялся. И эти слова он слышит от пьяницы с многовековым стажем? Докатился! Странно, что сам Змей так и не сделал ни одного глотка, тем более — повод есть, и нешуточный.

— А сам-то ты, смотрю, завязал, — поддел товарища по

несчастью Влад, но уполовиненную бутылку послушно отставил подальше.

— Потом напьюсь или удавлюсь, в зависимости от ситуации, но сейчас нужна трезвая голова. Обоим.

В этом он, конечно, прав. Совсем стал владыка забывать привычки своего бывшего друга, а ведь в особо серьезных случаях Змей Горыныч никогда не терял головы, всегда был практичен, четок, последователен. И достаточно умен, что бы про него сейчас ни говорили.

— Так ты не ответил на мой вопрос, — напомнил Змей. — Почему ты или Полоз не пришли ко мне сразу?

— Видишь ли... — начал Влад, отводя глаза и собираясь с мыслями. Дивы полосатые, как бы ему это лучше объяснить?

— Понятно, гордость не позволила, — хмыкнул Царь Долины и по выражению лица друга понял, что угадал. — Ты всегда таким был, таким и помрешь. И сын твой такой же холодный и самоуверенный, как кусок вечной мерзлоты. А ведь сейчас моя дочь могла бы быть уже здесь.

— Что ты вообще знаешь о моем сыне?! — взорвался владыка. — Он истинный наследник Царства Гор, для которого на первом месте стоят интересы государства, а потом уже личные симпатии и антипатии. Он и женился-то только из-за государственной необходимости. А когда Полоз сам станет владыкой, то будет беспристрастным и мудрым правителем, потому что...

— Его сердце — лед, — закончил за него Змей. — Ему будет наплевать на судьбы людей и прочих подданных. Он будет отправлять на плаху только по государственным соображениям, без личной заинтересованности. Государство требует, страна желает, а мне ничего от вас не надо, я к вам вообще ничего не чувствую. Так, что ли? Политика, ничего личного. Где ты тут видишь мудрость? Правитель должен быть живым и чувствующим, а не замороженной сосулькой.

— Ну знаешь... — возмущенно возразил владыка. — Это как-никак политика, а не увеселительные посиделки.

— Что-то я не заметил, чтобы ты в свое время женился,

руководствуясь исключительно политическими соображениями.

А вот это уже был удар ниже пояса. Влад тогда действительно потерял голову, влюбившись до беспамятства в простую деревенскую девушку, на которой Змей сам собирался жениться, и увел ее прямо за пару дней до свадьбы. Селена была не просто хороша собой, она была совершенством, верхом изящества, грации, красоты, чувственности, но, к сожалению, всего лишь обычным человеком. Это была любовь с первого взгляда, с первого вздоха, с первого... в общем, неважно чего еще. И Владу было наплевать на общественное мнение и политику вместе взятые, любовь захватила обоих целиком. Змей, его лучший друг, узнав о коварном предательстве, рвал и метал, пытался вызвать Влада на дуэль, слезно умолял Селену вернуться, но вмешалось очередное провидение — умер его отец, и Змей переключился на решение более насущных на тот момент вопросов о престолонаследовании, а потом на правах законного правителя перешел в состояние постоянной войны с Царством Гор. Их дружбе пришел конец. А Влад с Селеной прожили относительно короткую, но вполне счастливую жизнь, о которой владыка нисколько не жалел; у них был единственный сын, Полоз, унаследовавший дар деда, передающийся через поколение, — чувствовать золото, как бы глубоко под землей оно ни скрывалось. Когда это было? Больше двухсот лет тому назад? И до сих пор владыка не мог ее забыть, несмотря на то что его жена состарилась у него на глазах, а когда поняла, что выглядит чуть ли не вдвое старше своего мужа, ушла. Навсегда. Он любил ее, по-настоящему любил, да и сейчас любит. Именно поэтому он и не хотел больше жениться, ему казалось, что тем самым он осквернит память о любимой женщине, однако есть вещи, над которыми никто не властен, и жизнь берет свое.

— Что молчишь? — прервал его тягостные размышления Змей. — Вон как тебя от одних воспоминаний скрутило, а сыну ерунду какую-то в голову вбиваешь, что чувства не для правителей. Чушь, и ты это прекрасно знаешь! Я,

когда твоего сына увидел, пожалел, что согласился на этот брак, у него глаза как у снежной королевы, ледяные, у тебя таких никогда не было. Была бы моя воля, расторгнул бы помолвку, не задумываясь. Моя дочь — живая и достойна лучшей участи, чем всю жизнь прозябать рядом...

— Замолчи! — Владыка вскочил, гневно сверкнув зелеными глазами и сжав кулаки. — Замолчи, или я...

— Что, не нравится правда? — сощурился Царь Долины.

— Это неправда!

— Да? Тогда докажи мне это.

Вызов. Змей бросает Владу вызов. Зачем? Чего он хочет добиться? Расторжения брака его сына со своей дочерью? Увы, это невозможно. Обручальное Кольцо Саламандры проснулось и оказалось у последнего потомка IX рода, а значит, этот брак не прихоть двух чокнутых царей, это предзнаменование свыше, воля богов, и его нельзя расторгнуть. Высшие силы никогда не потакают слабостям и желаниям простых смертных, у них есть более веские и грандиозные основания для проявления себя, и любой, кто нарушит их волю, будет жестоко наказан. Чтобы просто позлить его и снова развязать войну? Бессмысленно. Высказать все, что накопилось в душе за несколько столетий? Вряд ли.

А больше всего Влада задело, что Змей прав. Владыка действительно из самых благих побуждений старался внушить сыну, что простые смертные не для них, что политика несовместима с любовью, что государство должно стоять на первом месте. Но теперь холодность сына пугала его самого.

— Ломаешь голову, на кой хрен я тебе все это говорю? — проявил потрясающую прозорливость Змей Горыныч. — Подумай на досуге, а сейчас нам нужно забыть про свои личные обиды (потом вместе напьемся, если захочешь) и вплотную заняться спасением наших детей. У тебя есть какие-нибудь соображения?

Никогда не предполагала, что ни о чем не думать — это так сложно. Сначала я честно и добросовестно старалась

очистить мозги от любого мало-мальски разумного шевеления, но каждый раз борьба оказывалась неравной и неизменно заканчивалась не в мою пользу. Но я проявляла завидное упорство снова и снова. Так хотелось не то чтобы все забыть, а просто навсегда избавиться от навязчивого призрака бывшего доверия, бессовестно преследующего меня денно и нощно. И имя этому приставучему гаду — жестокое разочарование.

Когда очередная попытка одержать победу над самой собой не увенчалась успехом, я поняла — это надо пережить, переварить в себе любой ценой. Пусть будет больно и страшно, пусть будет выворачивать наизнанку, но по-другому восстановить душевные силы, видно, не получится. Иначе я просто сойду с ума. Только вытащив наружу, обнажив все, что занозой жутко свербит в груди, можно попробовать смириться с неизбежным, постараться простить и продолжить жить дальше. И я отдалась во власть своих тяжелых переживаний с неизбежностью, присущей приговоренным к казни, ведь даже у них до последнего вздоха есть шанс на помилование или побег. Чувства и эмоции последних месяцев, недель, дней, до сих пор искусно прикрытые более насыщенной реальностью, теперь лавиной хлынули изо всех закоулков души и накрыли меня с головой.

Самое ужасное и больное... Фен... Мой горячо любимый брат и до недавнего момента самое близкое и родное мне существо в мире. Я так доверяла тебе, так верила в твою безоговорочную преданность и рассчитывала на твою защиту, что оказалась в ловушке собственных иллюзий. И это именно в тот момент, когда мне позарез необходима помощь, от которой зависит не столько моя дальнейшая судьба, сколько ее наличие в принципе. Как же так могло получиться, что ты готов отдать меня на растерзание тому, кому не отдадут никого и никогда, если есть в душе хоть маленькая, хоть самая крохотная доля сострадания? Я уже не говорю о любви и нежности. Ладно отец, у него выгода и политические мотивы на первом месте, он все-таки царь. Но ты? За что? Ответ именно на этот вопрос

я бы хотела получить больше всего. Но спрашивать напрямую — значит нарваться на поток красивой велеречивой лжи, которая все равно ничего не изменит. А лишнего подтверждения предательства Фена мне уже не нужно. Боль и так душу заполняет по самые края, что аж дышать тяжело и перед глазами все плыть начинает.

Да еще и прискорбный факт неожиданно выплыл, что корень всех проблем рода горных владык, оказывается, в саламандре. Одна такая огненная дамочка, родственница мне по духу и сущности, много веков назад прокляла Полозова предка и почила с чувством выполненного долга, а тут появился шанс восстановить неизбежное угасание змеиного рода. За мой счет. Получится или нет, гарантии никто не дает, но попробовать-то стоит. Вот только я с этим категорически не согласна, о чем громогласно заявила на собственной свадьбе, о которой и узнала всего-то за несколько часов, и продолжаю заявлять сейчас. Не буду участвовать в столь сомнительных мероприятиях ценой собственной жизни. Не буду!

Владыки, как я успела заметить, народ по сути своей очень настырный и до самодурства упрямый, но они не учли одного — я упрямее. Хотя бы потому, что на кону стоит МОЯ жизнь, с которой я добровольно расставаться не собираюсь. Благородное самопожертвование ради того, кто интересуется исключительно самим собой, — не мой конек. Наверняка есть способы избавиться от карающего проклятия и более гуманным способом, чем женитьба Полоза на мне, но никто так и не потрудился их поискать. Думали, со мной проще договориться (читай, заставить)? Ха! Как бы не так! За что боролись, на то и напоролись. Пусть теперь до скончания веков сомневаются в своем безраздельном могуществе. Мой побег из дворца Полоза ясно дал понять, что не каждое их слово — закон. А избавление от проклятия... Значит, придется мне самой еще и этим заняться вплотную. Опять же для спасения себя любимой. Собственно, листик клевера, который мне Сцинна дала с пометкой «использовать только в случае самой крайней необходимости», как раз для этого и пригодится.

Если такие предосторожности имеются, то явно не к бабушке с семечками рекомендацию дают. Найти бы еще эту ведьму раньше, чем найдет меня Полоз...

А Фен — гнусный предатель. Он отнял у меня такую важную в жизни вещь, как надежда. Может, когда-нибудь я и смогу его простить, но сейчас даже мысль о брате и его поступке причиняет почти физическую боль. Как он мог? Почему? Неужели и у него есть свои корыстные мотивы на мой счет, а все, что, как я считала, нас связывало, — всего лишь придуманная мной самой сказка? Сказка о наивной дурочке-царевне, ничего не понимающей в жизни. Да еще и с печальным концом. А что царевна, собственно, хотела, если она — дурочка? Уроки жизни на собственной шкуре гораздо тяжелее и больнее, чем о них написано в книгах или рассказано очевидцами. Только что теперь с этими уроками делать? Как воспользоваться? К какому месту приложить, чтобы легче стало? И есть ли такое место у меня? Судя по тому, что я уже утратила направление движения, потеряла счет дням и изменениям окружающего пространства и своих личных потребностей, такого места у меня уже не осталось.

Мираб сначала пытался вести себя так, словно ничего не произошло, но быстро понял всю бесперспективность этого психологического приема. Я была настолько погружена в собственные переживания и внутреннее самокопание, что не реагировала почти ни на что. Мне было действительно без разницы, в какую сторону ехать, и вся ответственность за наш дальнейший путь полностью легла на щуплые плечи эльфыреныша. Сначала он пытался роптать и даже предпринял неудачную попытку голодовки (по умолчанию включив и меня в это мероприятие), но быстро сдался. В первую очередь — под уговоры своего прожорливого желудка, а во вторую — потому что на меня это не действовало. Отсутствие еды я воспринимала как само собой разумеющееся. Так какой толк подвергать себя, драгоценного и уникального, таким страшным мукам, как голод. Но несколько часов он мужественно держался, как истекающая слюной лиса в курятнике. Потом

махнул рукой и сдался. Даже не столько сдался, сколько понял, что в ближайшее время (сильно неопределенное, надо сказать) от меня все равно никакой пользы, кроме вреда, не дождешься, поэтому все придется делать самому. Начиная от определения дальнейшего пути, покупки еды, разведения костра и заканчивая стиркой испачканной одежды. Но меня эти проблемы нисколько не трогали.

А еще я осознала одну ужасную по своей сути и пугающую по определению вещь — мне больше некуда идти, не к чему стремиться, негде приклонить голову. То, что у меня остались кое-какие незаконченные дела, — это сущий пустяк, они рано или поздно решатся, а вот потом... возвращаться мне некуда. В силу своего упрямства и нежелания мириться с навязанными другими обстоятельствами я осталась не только без поддержки, но и без крыши над головой. Конечно, всегда есть возможность вернуться и к брату, и к отцу или, чтоб ему провалиться, к Полозу, но это уже будет признанием окончательного поражения в борьбе за свою свободу, за право выбора. Это будет означать, что я перестала быть самой собой и сдалась. А я сдалась? Почти.

В общем, в душе у меня царилла самая настоящая мешанина из отрицательных эмоций, расстроенных чувств, негативных мыслей, ужасных предположений и невероятных догадок самого отвратительного характера. И все это постоянно бурлило, кипело, настаивалось, перемешивалось. Ничего удивительного, что через некоторое время такой душевно-эмоциональный компост начал бродить, низвергая меня в бездну поистине бездонной депрессии и полного безразличия ко всему.

Слух уловил странный звук и подозрительную возню за ближайшими кустами. Вроде даже раздался возмущенный крик. Но сознание почему-то никак на него не отреагировало. Я осталась безучастной к происходящему вокруг. Отблески костра не грели душу, приготовленный Мирабом ужин не имел вкуса, а ночная прохлада не освежала мысли. Сколько было уже таких вечеров с тех пор, как я

покинула удивительно красивый, но сплошь фальшивый Капитарий? Один? Два? Десять?

Я сидела, тупо уставившись в костер, а эльфыреныш... Крик снова повторился, совсем рядом. Только теперь он был отчаянный, полный страха и боли, детский...

Я лениво подняла голову и рассеянно огляделась по сторонам. Сердце неожиданно ушло в пятки. Мираб! Это его крик я слышала пару мгновений назад. В какую переделку влип опять этот мелкий паршивец? Все собственные проблемы как-то мигом отошли на дальний план. Думать уже было некогда. Кромсая кусты выхваченным в прыжке эльфийским мечом, я рванула в сторону, откуда вместо криков теперь раздавались сдавленные всхлипывания, больше похожие на чавканье. Убью любого, кто посмел покуситься на ребенка! И уж тем более не пощажу, если уже успел надкусить.

Ночь, как назло, была темная, и в нескольких локтях от костра уже можно было глаз выколоть, но когда это меня пугали подобные трудности. Главное, Мираба не нарезать соломкой случайно, остальные, сколько бы их ни было, меня совершенно не волнуют. Эльфыреныш хоть и вредный до противности, но не лишен хорошо скрытого благородства и тщательно запрятанной сообразительности. Ко всему прочему, я, как ни прискорбно это признавать, успела к нему привязаться.

Мое эффектное появление, сопровождающееся ломанием ни в чем не повинного кустарника, было воспринято своеобразно — вокруг воцарилась зловещая тишина. То ли враг полностью лишился аппетита при явлении незваного гостя, то ли уже успел насытиться и теперь сыто раздумывал, а не сделать ли еще мясного запаса на голодный день. О том, что мерзкий кровожадный тип подавился и тихонечко издох, мысли даже не возникло, да и посторонний выжидающий взгляд я чувствовала прекрасно.

Я мысленно отругала себя за шумовое оформление, но рвать на себе волосы за отсутствие навыков в тихом обнаружении потенциального врага было уже поздно. Мне ничего не оставалось, как замереть на месте и тоже зловеще

притаиться. Неподвижную жертву гораздо труднее заставить врасплох.

Время пошло измеряться ударами сердца, напряженные до предела нервы дрожью отзывались на каждый шорох. Меч в руках слабо пульсировал, готовый в любой момент отразить нападение. И тут...

Гадина прыгнула на меня откуда-то сверху со спины. Подлый прием, конечно, но никто и не ждал благородного расшаркивания с реверансами и низкими поклонами. Я, почувствовав сзади колыхание воздуха, еле успела наклонить корпус вправо, чтобы неизвестный противник, кем бы он ни оказался, не успел устроиться у меня на закорках и вцепиться в шею. Тогда мне точно хана. Меч резко хлестнул за спину, но не встретил никакого сопротивления в виде постороннего тела, нападающий успел съехать по мне ниже, оказавшись вне досягаемости оружия. А я, все-таки не удержав равновесия, кубарем полетела на землю, стараясь упасть так, чтобы то, что нагло повисло сзади, сыграло роль соломки. Если сразу прирезать не удалось, так хоть придавлю своей массой. Судя по небольшим размерам невидимого, но усердно сопящего где-то на уровне поясицы паразита, атаковавшего меня, это не такая уж и плохая идея. Мы покатались по земле.

— Мираб, беги к лошадям! — крикнула я, одновременно пытаюсь оторвать от себя намертво прилипшего к моей филейной части гада. Кусаться бы не вздумал, подлец, — вдруг ядовитый?

Ответом мне была почти полная тишина. Только звуки моей борьбы с неизвестным зверем и усердное сопение нас обоих нарушали гармонию ночного леса.

— Мираб! — снова позвала я, отчаянно пытаюсь задвить в зародыше нехорошее предчувствие. — Мираб, неприятность ходячая, отзовись! Если тебя уже съели, я тебе этого не прощу!

Мне все-таки удалось оторвать от себя на удивление цепкие пальцы невидимого существа и подмять его под себя.

— Ага, попался, душегуб! — злорадно возопила я и,

крепко ухватив за шиворот, поволокла усиленно сопротивляющегося пленника к костру. Надо же посмотреть на бессовестные кровожадные глаза тому, кто покусился на мою нежную шейку. И, возможно, уже частично переварил Мираба. Но это будет последняя трапеза в его никчемной жизни.

Пыхтя от натуги, я кое-как дотащила извивающееся тело до костра и повернула мордой к свету.

— Чтоб тебя...

Руки сами собой разжались, выпуская на свободу то, что они только что крепко держали, а особенно изощренная брань непроизвольно сорвалась с губ. Убить ЭТОГО, честно говоря, было мало. Его надо было сначала хорошенько помучить, чтобы самому захотелось умереть, да побыстрее.

— Так это был ты?!

Ответом мне стало излишне красноречивое похрюкивание и следовавшая за ним скромная клыкастая улыбка до ушей.

— Ах ты, гад ползучий! — не могла не добавить я, чтобы невинно смотрящее на меня снизу вверх существо прониклось серьезностью моих намерений, и обессиленно опустилась на траву по другую сторону костра. — Мираб, ты... ты... ты... — У меня уже не хватало слов, чтобы выразить шквал эмоций, который бушевал сейчас в душе. — Ты так убедительно врал, что не питаешься кровью...

Нет, доверять нельзя в этом мире никому. В последнее время Вершитель все чаще и чаще показывает мне самые гнусные стороны тех, к кому я питаю хоть крохотную долю доверия. Вот и еще один кандидат на должность моего друга попал в черный список. А как самозабвенно врал о чуть ли не травоядном образе жизни и самозабвенном человеколюбии... Стоило ненадолго потерять бдительность, как гастрономический интерес расцвел во всей своей красе.

Я поудобнее перехватила меч, чтобы в случае повторения попытки полакомиться свежей саламандрятинкой, дать достойный отбор.

— Да не питаюсь я кровью, — правильно оценив мои оборонительные действия, обиженно проскулил Ми-раб. — Сколько повторять можно.

— Конечно, конечно, — усиленно закивала я, стараясь не упустить из виду ни одного движения эльфыреныша, даже если ему просто нос почесать вздумается. — А набросился на меня исключительно из чувства сострадания.

— Примерно так...

— Сердобольный ты мой, — насмешливо покачала я головой и даже языком поцокала. — Как это великодушно с твоей стороны — добить меня, чтобы не мучилась.

— Не собирался я тебя добивать, помочь хотел.

— Помочь?! — Я даже присвистнула от удивления. — Всегда подозревала, что ты крутой оригинал. Но чтобы настолько... Польза от кровопускания, конечно, хорошо известна, но вряд ли эффект исцеления будет достигнут при приеме внутрь такими, как ты...

— Да не собирался я тебя в пищу употреблять, — уже чуть не плакал эльфыреныш. Судя по выражению его скучившейся мордашки, он уже проклинал себя за неудачную охоту, но я в святую невинность тех, кто имеет такие внушительные клыки, больше не верю.

— Ага. — Так я ему и поверила. — Это ты моим безутешным родственникам рассказывать будешь.

— И не подумаю!

— А придется!

Как ни странно, при упоминании предавшей меня царской родни боль лишь слегка шелохнулась в груди, не торопясь накрывать туманящим сознание пологом. Это приятно удивило. Я прислушалась внимательнее к собственным ощущениям, приготовившись вновь с головой окунуться в болото жестокого разочарования и жалости к самой себе, даже без капли сожаления отдать свое брненное тело на растерзание голодному хищнику, но почему-то желание заниматься и дальше самокопанием с большой долей мазохизма странным образом испарилось.

Я внимательно посмотрела на Мираба поверх костра. Вроде бы в нем ничего не изменилось, голодного блеска в

глазах не наблюдается, когти на полруки не выросли. Зачем же этот паршивец на меня бросился?

— Я правда из лучших побуждений, — виновато потупился эльфыреныш, выводя на земле веточкой какие-то замысловатые финтифлюшки.

— А эти побуждения знают, что они лучшие? — не топилась верить в бескорыстный гуманизм мальчишки я.

— Конечно, знают. Если честно, то мне больше нравится, когда ты ругаешься и грозно размахиваешь мечом, пусть и у меня перед носом, чем видеть безучастное выражение мертвой куклы на твоём лице.

— Вот уж не думала, что некоторые мальчишки хорошо разбираются в куклах, — не смогла не съязвить я.

— Зато эти некоторые мальчишки хорошо разбираются в некоторых девочках, — с нескрываемым сарказмом совсем по-взрослому парировал Мираб. — Ты себе не представляешь, насколько тяжело и страшно смотреть было, как ты занимаешься самым натуральным самоедством. Я даже попытался воззвать к твоей совести и состраданию, но, похоже, они дружно умерли еще там, в Капитаре. Что мне еще оставалось делать? Тупо наблюдать за тем, как ты медленно, но верно загоняешь себя в пропасть жалости к самой несчастной царевне в мире? Вот и придумал, будто на меня напали.

— Ну ты хорош... Я же действительно перепугалась за тебя, до сих пор руки трясутся.

— На то и расчет был, — самодовольно заулыбался эльфыреныш, явно польщенный произведенным эффектом от собственной выходки. — А главное — подействовало. Я, между прочим, тоже живое существо. А ты за саможалелками совсем забыла, что пока еще несешь ответственность за тех, кого приручила.

— Это за тебя, что ли? — Я не удержалась и фыркнула.

— А хотя бы и за меня. Твою клятву пока еще никто не отменял.

А вот об этом он зачем напомнил? Чтобы вызвать у меня чувство вины за вопиющую безответственность или чтобы банально меня позлить? Провалами памяти я пока

что вроде не страдаю, а даже если и возникнет небольшой пробел, то клятва сама о себе напомнит малоприятными ощущениями. Так что о моей забывчивости по причине возникновения некоторых форс-мажорных обстоятельств он мог совершенно не беспокоиться. А вот разозлить ему меня удалось очень даже профессионально.

— Все понятно, — как можно равнодушнее кивнула я, стараясь не дать выхода нахлынувшей ярости. — Спасение меня имело исключительно шкурный интерес с твоей стороны. Я же поклялась доставить невинное дитя к папочке, поэтому на собственные проблемы и переживания должна наплевать. Извини, забылась, отвлеклась, исправлюсь.

— Заметь, это сказала ты, — нравоучительно заметил Мираб и демонстративно свернулся калачиком на сложенном у костра одеяльце. — Все, отстань. Я устал и хочу спать. — И эта неблагодарная малолетняя обезжиренная свинина закрыла глаза, изо всех сил притворяясь, что уже десятый сон видит.

И Лихой с ним. Я своей злостью и в гордом одиночестве попытеть могу, для этого необязательно нужна шумная компания. Но в чем-то эльфыреныш оказался прав. Встряска подействовала на меня отрезвляюще. По крайней мере, погружаться в пучину внутренних терзаний и умирать из-за всеобщего непонимания расхотелось. Но каков паршивец! Так ловко сыграть на моих чувствах еще пока никому не удавалось. Огорчает лишь одно — Мираб, как и все вокруг, использует меня в своих личных корыстных интересах. Моя неосторожная клятва связала нас на время пути до Пара-Эльталя. Одному эльфыренышу живым домой не добраться, слишком далекий и трудный путь (почти половину которого мы, правда, уже более или менее благополучно миновали), а если приложить к этому мастерски зашоренное кем-то сознание большинства жителей относительно загадочной расы эльфырей, то шансы оказаться в родных пенатах у Мираба очень невелики. Для этого нужно обладать слишком большой долей везения, а у нас подобного добра отродясь не водилось. И мелкий

клыкастик это прекрасно понимает, поэтому и лезет из недоразвитых крылышек вон, чтобы уберечь меня от всяких происков Лихого. А когда мы доберемся до места, где эльфыреныш окажется в полной безопасности, — хорошо, если мне хотя бы спасибо скажут. А то ведь могут и взащей выставить (если сразу не схарчат), даже не поинтересовавшись не только моим генеалогическим деревом (хотя бы парой ближайших веточек), но и именем. Кто их, эльфырей, знает. Странные создания, загадочные, непонятные, пугающие. Не просто же так о них ходят слухи один другого страшнее. Дыма без огня не бывает. Вряд ли кому-то выгодно столько тысячелетий прятать не только самих тварей, но и любую достоверную информацию о них. Это Мирабу сейчас деваться особо некуда — укус справа, надкус слева, и династия правителей Пара-Эльталя живенько прервется. Да и наплести с три короба добрых сказок про своих бедных, незаконно лишенных свободы родственничков изворотливому эльфыренышу ничего не стоит. Вдруг он просто притворяется белым и пушистым, а по окончании путешествия вся дружная семейка, соскучившаяся по свежатинке, меня — ам! — и поминай как звали.

Собственно, рассуждай не рассуждай, а выбора-то у меня особо нет. Если позорно брошу этого оборванца из правящего дома, то не только совесть меня обглодает до косточек, но и клятва долго протянуть не даст. А умирать клятвопреступницей я намерена в самую последнюю очередь. Поэтому идти придется до конца. И буду думать, что клятвенные заверения Мираба о мягкости и пушистости эльфыриной природы — сушая правда. Так спокойнее, даже если это всего лишь защитная психологическая реакция организма от неизвестности.

Сны этой ночью мне не снились. Никакие. Я вообще не помню, как дрема накрыла меня своим мягким успокаивающим покрывалом. Сидела, смотрела на завораживающий танец огня, думала о всяком разном и незаметно для себя отключилась. А на рассвете проснулась в довольно

неудобной позе, но вполне бодрая, отдохнувшая и даже вроде как обновленная. И затянутое густой серой вуалью облаков небо не могло нарушить воцарившегося в моей душе спокойствия.

Мираб еще сладко посапывал, с головой укутавшись в тонкое одеяльце, одна пятка в рваном носке беззащитно выглядывала наружу. Забавное зрелище. Можно даже сказать — умилительное, если бы это дивово дитя никогда не просыпалось. Но ведь оно рано или поздно прoderет свои голубые изумительные глазки, зевнет заразительно, демонстрируя внушительный прикус, явно не для разжевывания морковки предназначенный, почешет за длинным ушком и начнет, как всегда, дерзить. Кстати, надо не забыть сказать вредной очаровашке спасибо за своевременную и грамотную терапию по избавлению меня от затянувшегося стресса.

Костер за ночь полностью догорел, и теперь посреди поляны сиротливо зиял пепельный круг. Я подхватила котелок и, хитро улыбнувшись, потопала к водоему, призывно блестящему сквозь прореженные мною же ночью заросли боярышника. Жаль, я вчера еще была излишне занята собой, а то бы прямо на берегу привал сделала.

Водоем оказался небольшим озерцом, сплошь заросшим камышом и осокой, но с вполне чистой и очень холодной водой. Наверное, здесь много ключей бьет, вода застаиваться не успевает, а мутить ее особо некому, звери водные процедуры редко по доброй воле принимают.

Хотя одну такую любительницу поплавать я все-таки обнаружила. Правда, бывшую. В густой траве на пригорке лежала дикая утка, вполне себе мертвая, но совершенно свежая, с неестественно вывернутой шеей и раскинутыми в разные стороны крыльями. Кто-то совсем недавно, скорее всего этой ночью или даже под утро, поймал зазевавшуюся добычу, а потом по неведомым причинам бросил. То ли спугнул кто, то ли охотился просто из праздного интереса.

Я пару раз легонько пнула утку носком туфли, убеждаясь, что она не вскочит и с диким кряканьем не рванет в

ближайшие заросли осоки, но подбирать не стала. В самом начале моего вынужденного лесного странствия в компании спасенного эльфыреныша, изрядно осложнившего мне жизнь и немного подпортившего психику, я еще пыталась охотиться с помощью арбалета, и, надо сказать, небезуспешно. Но в силу отсутствия навыков и, что гораздо важнее, даже малейшего желания потрошить свежепойманную дичь брезговала. А Мираб, задрав к небу свой идеально ровный носик, вообще заявил, что будущему правителю не пристало заниматься копанием в бранных останках некогда живого существа. Я еще тогда заподозрила их расу в питании вообще исключительно животрепещущей пищей и долго старалась держаться на относительно безобидном расстоянии, напрягаясь каждый раз, когда эльфыреныш оказывался от меня на расстоянии вытянутой руки. Поэтому есть свежеприготовленное мясо приходилось лишь в тавернах, где нам доводилось останавливаться, но деревни попадались не так часто, как хотелось, а некоторые мы вообще объезжали стороной, если таковые интуитивно казались хоть немного подозрительными. Еду закупали впрок и только ту, которая может храниться несколько дней без негативного воздействия на организм, то есть в основном питались всухомятку.

Последний раз с сожалением взглянув на довольно упитанную и совершенно бесхозную птичку, я направилась к поляне, где оставила еще спящее праведным сном лихо, но, не пройдя и нескольких шагов, резко обернулась на странный шуршащий звук за спиной. Утка самым волшебным образом испарилась, оставив в память о себе лишь примятую траву и несколько перьев на ней. Улететь она не могла — это точно. Значит, хозяин утки, которого я своим несвоевременным появлением вспугнула, решил при первой возможности утащить законный завтрак от греха и непрошенных гостей подальше. Хлюпающие удаляющиеся шаги по мелководью и колышущаяся осока даже показали направление, в котором утопал неизвестный зверь.

Кстати о зверях. Сколько раз ночевали с Мирабом в

лесу, а до сих пор ни один хищник ни разу не приблизился к спящим при полном отсутствии инстинкта самосохранения путешественникам. Невдалеке бродили, слышала их вой и утробное рычание, но никто так и не покусился на наши тела (особенно молоденькое эльфырье). То ли мы со стороны кажемся слишком костлявыми и невкусными, что о нас не рискуют зубы ломать, то ли что-то другое тому причиной. Но вообще-то странно. Я столько раз слышала рассказы бывалых охотников и просто любителей острых ощущений о многочисленных кровожадных тварях, населяющих все без исключения леса, из которых многим не довелось вернуться живыми, что кровь стыла в жилах от ужаса. Правда, я больше склоняюсь к версии, что у страха глаза велики, а кто-то еще и приврать любит, с самым устрашающим видом повествуя о встрече с ужасным монстром, даже если случайно мышке-полевке на хвост наступил. Но бывают же и правдивые случаи. Хищники, они и за пределами Мира Царств хищники, ночью их время, зазевался и все — схарчили. Нечего ушами хлопать. И зверю совершенно без разницы, человеком он голодное брюхо набил или пичужкой, случайно с дерева во сне упавшей. Только в первом случае больше никуда ни за кем бегать не надо, мяса много, лежи на поляне, ешь и балдей в свое удовольствие, а за маленькими птичками придется чуть ли не до рассвета скакать. Пока насытишься более-менее, все лапы себе оттопчешь. А хищник по сути своей зверь ленивый, особенно если уже матерый и умудренный опытом, за мелочью гоняться не будет, особенно если есть более крупная и не шибко умная альтернатива, которая сама в желудок просится. А вот почему животные не трогают нас, таких рассеянных и безалаберных, та еще загадка, но она нам только на руку.

Постояв еще некоторое время и убедившись, что счастливый обладатель свежей утятинки благополучно скрылся и возвращаться, чтобы вежливо поделиться добычей, в силу природного эгоизма не собирается, я без приключений вернулась на поляну. Мираб все так же посапывал во сне, только теперь наружу торчало одно длинное вездесу-

щее ухо, а пятка была надежно спрятана под одеялом. Эльфыреныш чуть пошевелился при моем приближении, но не проснулся, лишь устроился поудобнее и сладко почмокал губами, будто ему снилось что-то очень вкусное. Надеюсь, не я.

Что ж... Самое время приступить к благодарности за ночное мистическое представление с элементами триллера. И я, резко сдернув одеяло с ничего не подозревающего мальчишки, окатила несостоявшегося артиста драматического жанра холодной водицей, сопроводив утренний бодрящий душ самыми наилучшими пожеланиями:

— Это тебе за вчерашнее.

Сказать, что Мираб завопил как резаный, — это ничего не сказать. От его истошного визга не только у меня уши в трубочку свернулись и временно распрощались со своей главной функцией — слухом, но и листья на ближайших деревьях пожухли. Вот это я понимаю — мощное оружие! Живность, если таковая и бродила неподалеку и не была глухой, наверное, попадала замертво. Можно, как по грибки с корзинкой, побродить вокруг поляны и насобирать мясца на завтрак, обед и ужин. Неплохая идея, было бы еще кому этими мясными «грибочками» заниматься, не удержалась бы — сходила.

Но любой крик, чем бы он ни был вызван, не может длиться вечно. Я еще неплохо помню из уроков разных физик и строений живых существ, на которых профессор Карнебур шепеляво и монотонно вещал, что запасы воздуха в любом живом организме очень индивидуальны и строго ограничены объемом грудной клетки, поэтому кричать на одном дыхании дольше пары минут никому еще не удавалось. Вот и Мираб довольно быстро истощил все свои запасы воздуха и выдохся. И только после этого соизволил оглядеться по сторонам и поинтересоваться, а что, собственно, произошло. А когда до него наконец дошло, что это не злобная тварь слюной захлебывается над его оставленным без присмотра тельцем, а всего лишь я, «мстительная и ужасно грубая особа с повадками дикого монстра, которого надо срочно изолировать от общества и

держат в самом глубоком подземелье мира, завалив вход каменными глыбами величиной с гору», немного успокоился. Ну насчет гор это он зря. Я только недавно оттуда сбежала, рискуя собственной жизнью, и обратно возвращаться не собираюсь ни за какие коврижки. Я жить хочу, и желательно не замужем.

Порывав еще немного для остротки и высказав обо мне много чего интересного, Мираб в завершение клятвенно пообещал при случае все-таки попробовать странную царевну на зуб и пошел за ближайšie кусты переодеваться. А после скудного завтрака сомнительный мир и несколько извращенное согласие нашего странного тандема были восстановлены. Эльфыреныш был доволен прекрасно проведенным сеансом по возвращению моего душевного равновесия, а я — чувством благородного отпущения за причиненные мне кошмарные переживания прошедшей ночи.

— Кштати, ты в куше, шо карта, котоую ты ш таким увлещением рашшмат'иваешь, оказалась ш шек'етом, — с набитым хлебом ртом заметил Мираб и махнул рукой, в которой был зажат еще довольно крупный ломоть, на расстеленный у меня на коленях клочок уже порядком измятой бумаги. Помнится, когда я доставала его из сумки похитившего эльфыреныша наемника, он выглядел куда как более новым, свежим и аккуратным.

Мы остановились на небольшой перекус недалеко от дороги, и я решила воспользоваться остановкой, чтобы уточнить наш дальнейший путь. Еще утром мы выехали из маленькой деревушки Маневы и скоро должны были оказаться в более крупном селе Литоки. Куда ехать дальше, я представляла себе довольно смутно. Пресловутый Парра-Эльталь на карте обозначен не был, а слишком абстрактное «где-то вот тут» с тыканьем пальцем чуть ли не в середину океана ясности не прибавляло. И угораздило же меня нарваться на это чудо природы, теперь не отвертись, пока с рук на руки безутешным предкам не сбегрю

похищенного наследника. Еще бы определиться, как до острова добраться. Не вплавь же.

— И в чем же состоит секрет? — спросила я, не видя в карте ничего необычного.

— А ты сквозь нее на солнце посмотри.

Я послушно задрала голову и, шурясь от ярких полуденных лучей, пыталась разглядеть какое-нибудь тайное послание древних или, на худой конец, увидеть место, где зарыт пиратский клад. Но меня ждало жестокое разочарование. Никаких мистических знаков и крестиков с указанием на несметные богатства не было и в помине, зато медленно, будто выплывая из небытия, стали появляться короткие штрихи и стрелочки, которые постепенно приобрели вид четко намеченного пути.

— Как интересно... — задумчиво пробормотала я, любясь начавшими пульсировать точками, которые, как я предположила, указывали места остановок.

— А ты посмотри, откуда и куда эта дорожка ведет, — услужливо подсказал Мираб.

— Ох ты ж... моё...

Сдержать удивленный возглас было сложно, потому что отправная точка неведомого путешественника (или путешественников, что более вероятно) вела напрямик из столицы Царства Темных, располагающейся на самом побережье Мирского моря. А проследив взглядом за направлением дальнейшего продвижения, я уже не могла сидеть спокойно, заерзав на бревне, будто подо мной находился муравейник, очень недовольный моим несанкционированным наседанием. Путь вел в обход всех крупных городов и даже деревушек, но недалеко от них — видно, чтобы можно было пополнять запасы продовольствия, не сильно привлекая к себе внимание. А конечная точка назначения была... Царство Гор.

— А знаешь, что самое прикольное, — подсел ко мне поближе уже успевший умять свою долю обеда Мираб. — Когда я обнаружил это странное свойство карты, на ней мигал кружочек с обозначением Мальперны. Я не удер-

жался и ткнул в нее пальцем. Она мигать перестала, зато появились стрелочки, ведущие к Вируке.

— Которая тоже начала мигать, — прошептала я, уже начиная понимать, что было дальше. Ведь как раз недалеко от Мальперны я и отбила эльфыреныша у похитителей.

— Угадала, — подтвердил мои худшие опасения Ми-раб. — Только трогать и дальше карту я побоялся. Только через пару дней занялся ею снова. Уж больно интересно стало, что она покажет.

— И давно ты это все обнаружил? — Я потрясла бумагой и выжидательно уставилась на потупившегося мальчишку.

— Ну... в общем... через несколько дней после того, как ты меня спасла.

— Понятно. А почему сразу не сказал?

— Хотел проверить сначала, а потом обрадовать тебя оригинальной новостью.

Да уж, обрадовал, ничего не скажешь. Но сути дела это не меняет.

— Получается, везли тебя под грифом «строго секретно» в Царство Гор. Вопрос — зачем?

— Я тоже об этом думал, но, — юный экспериментатор удрученно развел руками, — не вижу никакой связи.

Хотелось бы мне тоже это знать. Странную игру затеяли темные эльфы. И так живут на отшибе, словно изгои какие-то, почти ни с кем не общаются, а миром править, как известно, и блоха мечтает. Светлые по сравнению с ними просты и наивны. Правда, с представителями других рас и народов тоже не очень-то любят общаться, но договориться с ними все-таки можно. Вон даже Фену удалось растопить сердце высокомерной блондинки из приближенного к правящему дому семейства. А Темные из своего крохотного царства вообще носа не кажут, но каким-то образом ухитряются всегда быть в курсе чуть ли не самых интимных подробностей мира. Откуда у них столь подробная информация, никто не знает. Ведь и про меня как-то проведали, поганцы, да еще и замуж звали, как совсем недавно выяснилось.

— Должна быть вторая такая карта, — уверенно заявила я, складывая более чем странную карту и убирая ее в сумку.

— С чего ты взяла? — удивленно воззрился на меня эльфыреныш.

— Понимаешь, Мирабчик, — мальчишка не любил такого фамильярного обращения, но я не могла отказать себе в удовольствии время от времени так его называть, чтобы не задавался сверх меры, — подобные карты используются только во всякого рода тайных делах и всегда создаются в двух экземплярах. Не спрашивай, откуда мне это известно, просто знаю, и все, — пресекла я на корню готовый сорваться с губ Мираба вопрос. — Так вот. Один экземпляр выдается тому, на кого возлагается миссия доставить секретный товар или зашифрованное письмо по определенному адресу, и исполнитель не должен знать окончательного пункта назначения, чтобы в случае поимки или провала операции не сболтнул лишнего. А второй экземпляр остается у хозяина. По нему он следит за продвижением наемника и поэтапным выполнением задания. Карта один за другим показывает пункты на пути продвижения, и не раньше, чем до очередного из них можно добраться. То есть, если ты будешь тыкать на карту каждую минуту, она не откроет тебе следующего места. Только по истечении минимального срока, необходимого, чтобы до него добраться.

— Ага, так вот из-за чего у меня не сразу все получалось, — неизвестно чему обрадовался Мираб. — А я-то думал, что это у меня пальцы кривые по определенным дням.

Я снова взглянула на солнце сквозь карту. Сомнений не оставалось — Мираба везли из Царства Темных в Царство Гор. По чьему приказу? Владыки или Великого Жреца? Если бы владыка был в курсе, то и Полоз бы не остался в стороне, а при нашей первой случайной встрече в лесу мой благоверный ни словом, ни жестом, ни взглядом не выдал своей заинтересованности. И даже не сделал ни малейшей попытки задержать нас. Если меня он не знает в

лицо и может легко ошибиться, то уж внешность эльфырей не должна быть для него тайной за семью печатями. Из всего этого можно сделать вывод, что владыки если и не пребывают в полном неведении относительно творящихся вокруг них дел, то уж не заинтересованы в похищении эльфыренка точно. На кой он им сдался? Вести столь откровенный международный конфликт через весь Мир Царств ради какой-то сомнительной выгоды не в их характере. Они корыстны и властолюбивы, но далеко не политики, высокомерны и тщеславны, но не опустятся до унижения себя и противника. А здесь изрядно пахнет хорошо завуалированной продуманностью и годами отточенной хитростью. Я, конечно, не мастер придворных закулисных игр, но, будучи царской дочерью, успела насмотреться на всякого рода любителей замутить интриги. Поэтому делаем вывод: в похищении наследника Пара-Эльталя заинтересован Темный Жрец. За глаза, конечно, судить нехорошо, тем более что я этого жреца никогда не видела, но есть у меня внутренняя чуйка — его темная душонка радеет не только о благополучии их обожаемого паучка. Впрочем, здесь и интуиция не особо нужна, вполне хватит банальной логики. Ко мне Темный Жрец сватался? Как совершенно случайно выяснилось — да. Кольцо мое похитила наемница тоже по его приказу, она сама проговорила, дура. Карта недвусмысленно показывает от начала до конца путь, которым везли, но так и не довели Мираба. А эльфыри, чьим будущим повелителем является мой неугомонный спутник, сидят в вынужденном заточении на своем Вершителем забытом острове тоже по вине Темного Жреца. Что-то многовато для совпадений, мне кажется. Добраться бы до этого излишне энергичного интригана да выяснить все из первых рук. Только уверена, что если моему неожиданному визиту, может быть, еще и будут рады, то уж я-то от проявленного темноэльфийского гостеприимства вряд ли получу массу удовольствия. Отвергнутый жених, даже если он уже давно утешился и думать забыл о жестокосердной невесте, ничем не лучше разбуженного посреди зимы медведя — вроде и признаков

агрессии не выказывает, но опасен до крайности. Одно особо чувствительное на неприятности место, что находится на расстоянии вытянутой руки от головы, упорно твердило мне о возможности скорой встречи с этим загадочным типом. А разум старался лихорадочно придумать, как этой встречи избежать.

Литоки, до которых мы с Мирабом рассчитывали добраться только ближе к вечеру, вынырнули из-за деревьев неожиданно. Дорога сделала крутой поворот, за которым лес неожиданно расступился, явив нашему взору довольно крупное село. Табличка с крупными кривыми буквами, прибитая прямо к дереву, гласила, что мы прибыли куда надо. А многочисленные листочки и дощечки, приколотые на потрескавшуюся от времени фанерку и въездные ворота, подробно и красочно рассказывали, какие удовольствия и где именно мы можем здесь получить.

— Тебе оригинальные и незабываемые впечатления исключительно для женщин от братьев Таранов не нужны? — вчитавшись в одно из таких объявлений, полюбоществовал Мираб.

— Спасибо, обойдусь. — Я искоса глянула на хитро улыбающегося мальчишку. — Мне и без братьев Таранов впечатлений в жизни хватает. Особенно в последнее время.

— А брдонский массаж, который ставит на ноги даже самых безнадежно больных и уставших от жизни?

— Уймись, а, — жалобно попросила я, сама бегло просмотрев несколько дощечек и сделав вывод, что мы попали чуть ли не в рассадник самых смелых греховных удовольствий, начиная от чревоугодия и заканчивая запредельными плотскими утехами. Даже игровой клуб для любителей пощекотать нервы ценой собственной наличности тут имелся. Интересно, в этом селе более-менее приличное место, где можно переночевать без всяких «особых впечатлений», найдется?

— Ой, Сати, смотри! — вдруг крикнул Мираб, тыча пальцем куда-то влево. От возбуждения мальчишка даже

подпрыгнул в седле, отчего капюшон съехал ему на затылок, открыв для обозрения длинные ушки. Я послушно повернула голову, машинально водворяя непослушный капюшон на место, да так и замерла с протянутой рукой.

— Вот ёшкин пень! — только и смогла вымолвить, урев то, что хотел мне показать эльфыреныш.

В указанном Мирабом направлении над домами поднимался клубами черный тяжелый дым, сносимый в сторону ветром и ложащийся чуть ли не на крыши домов. В воздухе сразу завитал еле уловимый запах гари, становящийся все сильнее и сильнее. Не костерок в огороде жгут, это точно. Кажется, обещанные на въезде в село «впечатления» уже начинаются.

— Поедем посмотрим, — радостно подпрыгнул в очередной раз мальчишка и стукнулся головой о мою ладонь. Я отмерла и убрала руку.

— Поехали!

По мере приближения к месту пожара (а что же это могло еще быть!) улицы заполнялись спешащим и вопящим народом, устремляющимся в том же направлении, что и мы. Люди — существа загадочные. Даже если помочь не могут, все равно лезут в первых рядах, хотя бы для того, чтобы потарашиться на чужое горе и совет дельный не вовремя подкинуть. Никогда не понимала такой политики, но ведь и не прогонишь никого, все село, поди, собралось.

Когда мы с Мирабом подъехали к полыхающему строению, от сносимого ветром пламени уже успел заняться соседний дом. Благо он был последним на этой улице, дальше начиналось голое поле. Шум, гам, гвалт, крики, вопли стояли такие, что не слышно было даже грохота падающих прогоревших перекрытий. Зрелище было завораживающим и устрашающим одновременно. Уж насколько я люблю огонь, его энергия питает меня и дает жизнь, но тут я столкнулась с другой его стороной, кардинально противоположной — разрушающей и смертоносной. Огонь пожирал и уничтожал то, что было создано не одной парой рук, создано с любовью и заботой о своих близких, с на-

деждой на прекрасное будущее. И теперь все это умирало, корчась в страшных предсмертных муках.

Толпа вокруг галдела, как стая галок на овсяном поле. Кто-то пытался оттащить еще уцелевшие вещи; вереница особо деятельных передавала по цепочке ведра с водой, тщетно поливая уже взметнувшееся до самого неба пламя. Народ бестолково бегал и суетился, даже наших лошадей пару раз толкнули так, что они чуть не завалились на бок.

— Страсть-то какая прекрасная! — одними губами прошептал Мираб, округлившимися глазами взираая на бушующее пламя и прикрывая лицо от стелющегося в разные стороны удушливого дыма.

Мне самой, если честно, было не по себе, но я просто не могла отвести жадного взгляда от смертоносной неуправляемой пляски огня. Такого я от теплой, милой и родной стихии не ожидала.

Вдруг сбоку раздался истошный визг, и какая-то женщина, чуть не опрокинув мою лошадь и даже этого не заметив, пронеслась мимо и бросилась ко второму, уже всю полыхающему дому. Ее кто-то схватил и попытался удержать, но она продолжала вырываться и на истерических нотках что-то визжать, порываясь попасть в горящее строение. Взоры окружающих обратились на нее, какой-то деятельный мужичок сунулся к двери, но тут же отскочил, поплатившись за неосторожность изрядно опаленной шевелюрой и бородой, да еще и вдогонку его чуть не придавило обрушившейся балкой крыльца. Огонь жадно пожирал все, что попадалось на его пути, не желая делиться своей добычей ни с кем, даже с законным хозяином. Погода в последние дни стояла сухая, дождей не было совсем, вот все и горело, как хорошо высушенный хвост.

Мы с Мирабом спешили и протиснулись поближе, чтобы узнать, в чем дело. Лошади тревожно стригли ушами, не понимая, зачем людям приперло соваться в самое пекло.

— А что случилось? Почему она так кричит? — спросила я у молодой женщины, стоявшей недалеко от нас и пе-

реводившей испуганный взгляд со второго горящего дома на рыдающую женщину.

— Ребенок у нее там, маленький совсем, — безжизненным голосом ответила та, даже не повернув голову в нашу сторону. — Она только к травнику за лекарством для мальчика отбежала, и вот...

— Мираб, держи лошадей. — Я бросила ему поводья и кинулась к дому.

— Ты куда?! Стой! — истерично взвизгнул Мираб, пытаюсь схватить меня за рукав, но промахнулся и бросился следом, но плотная толпа не дала ему меня догнать. — Больная, да?! — услышала я его панический голосок с плаксивыми нотками отчаяния. — А обо мне ты подумала?! Ой, ду-у-ура...

Я обернулась и успела заметить, что моего «мальца» ухватила за руку та самая женщина, с которой я только что разговаривала, и, распахивая локтями возбужденный и орущий народ, подбежала к хозяйке горящего дома.

— В какой комнате ребенок? — без всяких предисловий выпалила я. Не лазить же в бесплодных поисках по всему пожарищу.

— В дальней... — продолжая рыдать и уже еле держась на ногах от горя, ответила она и подняла на меня полный отчаяния взгляд. — Кровинушка моя...

Понятно, ничего конкретного от нее не добиться, состояние не позволяет как следует мыслить.

— Да в горнице он, на лавке должен был быть, — подсказала сердобольная старушка, стоящая в первых рядах.

Ладно, разберусь на месте, я не человек, у меня с огнем особые отношения, и метнулась в сторону дома.

— Стой, ненормальная! — раздалось мне вслед, но удерживать никто не торопился. — И не спасешь никого, и сама угоришь!

Я уже никого не слушала. Пламя лизнуло мне лицо, не причинив вреда, хоть я и на миг испугалась, что не справлюсь с таким сильным напором огня. Одно дело в теплом уютном костерке нежиться, и совсем другое — в охваченный бешено ревущим пламенем дом лезть. Страшно бе-

зумно. Но ничего ужасного, вопреки моим ожиданиям, не произошло, я почувствовала только привычное тепло, окутавшее меня с ног до головы, и бегущую вдоль позвоночника дорожку знакомой энергии. Не теряя больше времени, я шагнула внутрь. За ревом пожара ничего почти не было слышно, и мне пришлось обежать все комнаты, чтобы убедиться, что в доме никого нет. Не может такого быть! И тут до моего обостренного волнением и тревогой слуха донеслось сдавленное всхлипывание. Я повернулась на звук и рванула к печи, до которой огонь еще не успел добраться. Внутри-то как раз и сидел испуганный и уже почти задохнувшийся от удушливого дыма ребенок. Он забился так далеко, что мне с большим трудом удалось вытащить его наружу. Мальчику было на вид годка три-четыре, он сильно упирался, но больше от страха, а когда мне удалось извлечь его из печи, вцепился мне в шею, чуть не задушив. Я выскочила в ближайшее окно, и вовремя — дом сложился, как карточный замок, со всеми возможными световыми спецэффектами, больше напоминающими праздничный фейерверк, только весельем от них и не пахло. А ведь еще секунда, и даже моя способность не гореть в огне вряд ли помогла бы остаться в живых.

Я крепко прижала ребенка к себе и, продираясь сквозь кусты смородины, вышла на заполненную народом улицу. Меня тут же окружила возбужденно гомонящая толпа, выказывающая восхищение и почтение моему героическому поступку, в котором лично я ничего героического не видела. На то я саламандра, чтоб в огне не гореть. Может, в пожарники пойти, когда нужда совсем прижмет?

Малыш переключался на руки счастливой и зареванной матери, пытающейся от счастья выдернуть мне руку, подзреваю, чтобы целовать ее каждый вечер перед сном, а я стала озираться в поисках своего заносчивого мальчишки. Куда этот шалопай запропастился?

И тут на меня сзади кто-то налетел и с радостным визгом повис на плечах. Удержать равновесие мне не удалось, и я, увлекаемая тяжестью болтающегося на спине тела, опрокинулась на землю, подмяв под себя того, кто так не-

осмотрительно решил использовать меня в качестве вешалки. Собственно, в хозяине слабо трепыхающейся под мой тушки я уже несколько не сомневалась, один до боли знакомый визг сразу выдал своего обладателя.

— Слезь с меня... — задыхаясь под тяжестью моего веса, взмолился Мираб. — Ты меня раздавишь! Ой, больно же, крыло ломаешь так! Ты поосторожнее! Первая к лекарям меня не поведешь.

— Конечно, не поведу, я не самоубийца. Добью, чтоб не мучился, и дело с концом, — огрызнулась я, пытаюсь приподняться и окончательно не втереть в пыль мальчишку. — А если с крылом чего, то я тебя ветеринарам покажу, они куриные болезни хорошо лечить умеют.

— Почему куриные? — не понял Мираб, но на всякий случай сделал несчастную мордашку, приготовившись обидеться.

— Потому что только с куриными мозгами можно додуматься напрыгнуть на меня сзади, — вполне доходчиво прошипела я. — Сзади нападают только отъявленные трусы и подлые враги, запомни это. Я ведь и приложить от души могу. Или ты уже забыл, как я тебя чуть не отправила к праотцам в результате твоих экспериментов по выводу меня из апатии?

Оказалось, что помнит, потому что скулить сразу перестал и еще имеющиеся претензии оставил при себе. Вот и правильно.

Вскоре мы уже сидели в ближайшей харчевне, где нас потчевали как главных спасателей года и даже расщедрились на обед за счет заведения, что вызвало неконтролируемый аппетит в первую очередь у Мираба. Он заказал себе столько еды, что все мои старые сомнения насчет его кровожадности и прожорливости дружно зашевелились и готовы были в любой момент воскреснуть. И куда в него столько влезает, это же на целую ораву оголодавших бродяг хватит!

— Значит, я насчет тебя не ошибся! Ура! — страстным шепотом заговорил Мираб, как только мы смогли остаться вдвоем. Я прекрасно чувствовала, что мальчишке не

терпится сообщить мне нечто сенсационное, но до этого рядом постоянно кто-то крутился, нас старались угостить чем покрепче и всячески выразить то ли соболезнование, то ли почтение.

— В каком это смысле? — не поняла я, но насторожилась.

— В прямом. Ты — действительно саламандра.

Я мысленно поаплодировала его проникательности и невесело усмехнулась. Вот навязался этот мелкий упыренныйш на мою голову! Лучше бы его сообразительность проснулась не сейчас, а намного раньше, когда его похищали.

— Я давно заметил, что ты с огнем связана, только уверенности не было, — продолжил тем временем Мираб, довольный до безобразия собственным открытием. — Сначала я думал, что ты колдунья огненная, но ты совсем на колдунью не похожа, у тебя сущность другая...

— Стоп! Какая сущность? — не поняла я, но внутри шевельнулось что-то неприятное. Так, что там у нас с душой-то?

— Э... Ну... В общем... — замялся Мираб и почесал за ухом для усиления мыслительной деятельности. То, что с обычным человеком едет маленький эльф, в Литоках почему-то никого не удивило, и мы сидели в харчевне совершенно спокойно. Однако главное мое предупреждение — не улыбаться, демонстрируя клыки, и не шевелить крыльями под плащом — выполнялось неукоснительно. — Эльфы видят истинную сущность каждого живого существа.

Как я не свалилась со стула — для меня до сих пор осталось загадкой, но стукнуть этого горе-провидца захотелось очень сильно. Получается, что он меня видел насквозь, а я даже не подозревала об этом. Вот кого нужно было моему муженьку непутевому нанимать на поиски, а не самому по разным царствам мотаться, от важных дел отрываться.

— А какого Лихого ты все это время молчал?!

— Так это только законные правители умеют, а я еще маленький.

— Какое счастье!